

не сдѣлаетъ. Онъ будетъ владѣть сердцемъ отдавшей ему женщины; но, въ тоже время, онъ ея покорный рабъ.

— Почему же рабъ?

— Потому рабъ, что онъ принадлежитъ ей одной; онъ уже на другую и взглянуть не хочетъ. Онъ живетъ только для одной, видитъ одну, знаетъ одну — по крайней мѣрѣ таковы мои правила, такъ я гляжу на этотъ предметъ.

— О! какъ я счастлива! воскликнула Авдотья Семеновна и, въ совершенномъ восторгѣ, прыгнула къ Николаю Петровичу.

Нѣтъ сомнѣнія, она готова была осыпать его самыми утонченными и пламенными ласками; но въ передней послышался слабый звонокъ.

— Кто это? спросили: и Благотворовъ, поправляя усы, и Авдотья Семеновна, пересаживаясь на свое, прежнее мѣсто.

— Черезъ минуту горничная доложила Авдотѣ Семеновнѣ:

— Какая-то дѣвица желаетъ васъ видѣть.

— Ахъ, Боже мой, вѣдь я сказала тебѣ: не принимать никого.

— Она говоритъ, что пришла по вашему же, очень важному дѣлу.

— Ну, примените, что за бѣда, сказалъ Благотворовъ.

Авдотья Семеновна велѣла звать.

Читатель знаетъ уже, что въ комнату войдетъ Аннушка и не будетъ ни сколько пораженъ этимъ; но какое перо изобразить изумленіе и ужасъ Николая Петровича Благотворова?.. Если бѣ кресло, на которомъ сидѣлъ Благотворовъ, вдругъ провалилось, если бѣ провалился весь домъ — это было бы истиннымъ благодѣяніемъ, истинно счастливымъ случаемъ! Но, этого не случилось..

Аннушка вошла въ комнату, блѣдная, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сдѣлала весьма неловкій книксенъ хозяйкѣ. Благотворовъ окаменѣлъ.

— Что вамъ угодно, моя милая? спросила Авдотья Семеновна, съ тѣмъ достоинствомъ, съ какимъ леди Мильфордъ встрѣчаетъ бѣдную Луизу.

Аннушка подняла глаза, на которыхъ дрожали слезы, взглянула на Авдотью Семеновну, взглянула на Благотворова, и не могла произнести ни слова, словно кто-то перехватилъ ей горло. Благотворовъ рѣшился воспользоваться благоприятной минутой и улизнуть.

— Я, сказалъ онъ, вставая, можетъ быть, мѣшаю, я уйду...

— Нѣтъ, остановила его Аннушка, останьтесь, я скажу все и при васъ... Я, продолжала она, дѣлая надъ собой усиліе и обращаясь къ Авдотѣ Семеновнѣ, принесла вамъ ваши вещи... Мнѣ не надо ни вашихъ вещей, ни вашего любовника.

И изъ дрогнувшихъ рукъ Аннушки выпалъ ящикъ, наполненный вещами Авдотьи Семеновны...

Какъ разъяренная кошка вскочила Раскатова; въ одно мгновеніе княгиня преобразилась въ свирѣпую фурію; лицо ея исказилось злобой, милое девабилье пришло въ ужасающій беспорядокъ, даже рыжеватые волосы, казалось, приняли видъ страшныхъ змѣй... Авдотья Семеновна

была женщина пылкая и, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что гнѣвъ ея вырвался внезапнымъ, неуправляемымъ, неукротимымъ порывомъ. Грономъ грянули ругательства и градомъ посыпались на голову совершенно одурѣвшаго Благотворова. Авдотья Семеновна визжала и задыхалась отъ злобы...

Аннушка уже не слышала этого; едва держась на ногахъ, она вышла изъ комнаты.

— Вонъ! вонъ, мерзавецъ! визжала Авдотья Семеновна, топая ногами и сжимая въ кулаки свои бѣлыя и полныя руки. Ты всегда меня обманывалъ... у тебя сорокъ любовницъ... вонъ! вонъ, мерзавецъ!

Сервизъ полетѣлъ на полъ и зазвенѣлъ, рассыпавшись въ дребезги. Свирѣпство Авдотьи Семеновны дошло, наконецъ, до того, что голосъ у нея надорвался и превратился въ шепотъ; она начала всхлипать.

Благотворовъ, между тѣмъ, выдержавъ эту атаку, опомнился и понялъ, что гнѣвъ Авдотьи Семеновны уже истощился, что теперь, смѣлымъ натискомъ на ослабѣвшаго противника, можно выиграть сраженіе. Съ чувствомъ собственного достоинства, онъ поднялся съ кресла и взялъ шляпу.

— Довольно! сказалъ онъ тономъ драматическаго актера. Я выслушалъ васъ терпѣливо; теперь позвольте мнѣ уйти. Желая вамъ счастья; пусть любите васъ другой, какъ любилъ я... Дѣйствительно, я увлекся этой дѣвчонкой, но сердце мое... впрочемъ, къ чему объясненія? между нами все кончено! Будьте счастливы, а я... у меня нѣтъ ничего, чтобы привязывало меня къ жизни... Вспоминайте обо мнѣ когда нибудь, и я умру спокойно... прощайте!..

Благотворовъ потеръ платкомъ глаза, какъ бы удерживая и скрывая слезы, и хотѣлъ выйти... Но, онъ не вышелъ, потому что Авдотья Семеновна, падая на диванъ, прошептала:

— Nicolas! помогите мнѣ — я умираю...

Ег. Мол.

ТЪМА.

(Байрова).

I had a dream, which was not all a dream.

Я видѣлъ сонъ, но сномъ онъ будто не былъ.

Угасло солнце въ небѣ неподвижномъ

И звѣзды безъ лучей, безъ блеска, сбившись

Съ своихъ орбитъ носились; льдяной глыбой

Земля висѣла въ мглѣ нѣмой; надъ міромъ

День не вставалъ, одни смѣнялись зори....

Объята ужасомъ, какъ тѣни, мрачно

Въ чаду пылающихъ костровъ, безъ мысли

Безъ страстей бродили люди; всѣ сердца

Слились въ вошь, въ одну мольбу о свѣтѣ.

Вотъ вспыхнула земля: дворцы и храмы,

Селенья, города — пылали. Люди

Ихъ подожгли, чтобъ не остаться въ мракѣ

И у пылающихъ жилищъ, толпами

Сходились, чтобъ узнать въ лице другъ друга;

Былъ счастливъ тотъ, кто у жерла волкана

Ключекъ земли найти могъ для пріюта;
 Тоскливый страхъ — вотъ все что было въ мірѣ....
 Заггли дѣса, но пламя съ жадной силой
 Ихъ истребляло въ пепельныя груды:
 Мгновенный блескъ — и снова царство мрака.
 При заревѣ трепещущихъ пожаровъ,
 Какъ призраки, въ борьбѣ тѣней и свѣта,
 То здѣсь, то тамъ людей вставали группы.
 Тѣ робко ползали въ слезахъ, безъ звука,
 Закрывъ глаза; съ улыбкой дикой — тамъ
 Въ конвульсіяхъ, сжавъ голову руками
 Сидѣли люди тупо; съ хриплымъ воплемъ
 Иные бѣгали, въ кострахъ угасшихъ
 Напрасно раздувая чахлый пламень,
 Глядя въ небо — темно было небо —
 Могильный кровъ скончавшагося міра.
 И съ скрежетомъ зубовъ, съ проклятьями, въ пыли
 Крутились, вили люди; птицы съ крикомъ
 На землю пали, билися, не смѣя
 Взмахнуть крыломъ, и дикій звѣрь сталъ робокъ,
 И змѣи ползали въ толиѣ, съ шипѣньемъ,
 Несмѣя жалить, — ихъ душили люди
 И пожирали. Стихшая на время
 Рѣзня опять загласъ; цѣною крови
 Обѣдъ голоднымъ погунался; дико
 Другъ друга каждый бѣгалъ, чтобъ трапезу
 Свершить кровавую. Любви не стало
 Въ сердцахъ людей; лишь смерти страхъ и голодъ
 Мучительный, палящій всѣхъ томили
 И рвали внутренность. Неумолимо
 Вставала смерть — и вымирали люди,
 И трупы ихъ лежали безъ могилы.
 Полуживой глодавъ скелетъ собрата,
 Какъ дикій звѣрь хрипя; голодной стаей псы
 Въ куски рвали тѣла своихъ хозяевъ;
 Лишь песь одинъ, надъ трупомъ измозженнымъ
 Стоялъ, какъ стражъ, упорно защищая
 Его отъ псовъ, людей остервенѣлыхъ,
 Лишь онъ одинъ, изъ всей голодной стаи,
 Надъ трупами кровавыми издохшей
 Забылъ о голодѣ, и съ слабымъ ласкѣмъ,
 Съ протяжнымъ воемъ руку трупа долго
 Лизалъ, ласкалъ, легъ рядомъ съ нимъ и — умеръ.
 Громадный городъ вымеръ весь; лишь двое
 Еще спаслись отъ смерти, но то были —
 Враги. И подползли они къ божницѣ,
 Въ погасшій пепель гдѣ, нахально, въ грудяхъ
 Вещей священныхъ сброшены обломки;
 Руками тощими напрасно теплый пепель
 Враги, стеная, разрывали; въ напряженьѣ
 Послѣднихъ силъ — ихъ слабое дыханье
 Огонь раздуло въ пепелъ; пламя скудно
 Сверкнуло разъ — и два: враги взглянули
 Въ лице другъ другу, вскрикнули и пали
 Безъ жизни. Видъ ихъ былъ такъ мертво-страшенъ,
 Измученъ голодомъ, что не узнавъ врага
 Одинъ въ другомъ, они упали мертвы
 Отъ отвращенья оба....

Міръ опустѣлъ.

Могучій, шумный міръ — иѣмой могилой сталъ,
 Безъ жизни, времени, растений, — глыбой
 Холодной. Всюду мракъ, хаосъ!... Озера,

Моря, и океанъ — сковались смертью
 Неумолимой, неподвижной, мрачной
 И ихъ побой ничто невозмущало.
 Лишь гнили корабли въ моряхъ; ихъ мачты
 Обломками гнилыми разсыпаясь,
 Не шевелились въ мертвой безднѣ моря;
 Зачахли волны, замерли приливы
 Съ тѣхъ поръ, какъ мѣсяцъ скрылся съ небосклона;
 Вѣтръ не дышалъ въ эфирѣ неподвижномъ,
 И тучъ не стало; мракъ вставалъ отсюду:
 Весь міръ былъ — тьма, и тьма была всеѣмъ міромъ.

Дмитрій Минаевъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА,

въ 1860 году.

Каждый разъ, когда намъ приходится посѣщать нашу художественную выставку, мы входимъ въ залы Академіи съ тѣмъ самымъ грустнымъ чувствомъ, съ которымъ иногда смотритъ человѣкъ на молодой, свѣжій талантъ юноши, лишеннаго средствъ развитію и укрѣпленію свое дарованіе трудомъ и образованіемъ. Не разъ, стоя передъ картиной какого нибудь молодого начинающаго артиста, мы задумывались о грустномъ, тяжеломъ положеніи русскаго современнаго художника. Вопросъ этотъ совершенно заслуживаетъ того, чтобъ на него обратили вниманіе, и мы прежде, чѣмъ скажемъ что нибудь о художественной выставкѣ, которая открылась на дняхъ, поговоримъ о положеніи самихъ художниковъ.

Всѣ, которые любятъ и понимаютъ искусство, посѣщая наши художественныя выставки, рѣдко выносили, послѣ ихъ осмотра, полное, цѣльное впечатлѣніе, какое бываетъ отъ произведеній, запечатлѣнныхъ мыслію и окончениостью. Всѣ замѣчали страшное отсутствіе содержанія въ картинахъ нашихъ художниковъ, какое-то дѣтское пониманіе, какъ жизни, такъ и искусства. Замѣчанія эти чрезвычайно справедливы. Во всѣхъ областяхъ искусства, талантъ безсиленъ, если ему не помогаетъ извѣстное научное развитіе и мысль, привыкшая къ постоянной работѣ и дѣятельности. Наши художники есть лучшій примѣръ тому. Нерѣдко, между ними являлись даровитыя личности, много обѣщавшія впереди; всѣ вѣровали въ ихъ будущее, ждали отъ нихъ новаго слова въ искусствѣ, но скоро всѣ эти надежды на новыя, молодыя силы разсыпались прахомъ, и художники, которымъ предсказывали завидную будущность, дѣлались или рутинными портретистами или плохими жанристами. Отчего все это? Отчего, часто при самыхъ счастливыхъ задаткахъ, при несомнѣнномъ дарованіи — гора разрѣшалась мыслію, талантъ мельчалъ и пошлѣлъ? Отвѣтъ все въ томъ же требованіи искусства, которое никогда не позволяетъ собой играть, не терпитъ однихъ упражненій соп атонге, а требуетъ всего человѣка, и человѣка живаго, приготовленнаго къ своему труду.

Но на столько-ли виноватъ нашъ художникъ въ своей неоконченности, можно ли строго винить его, если внимательнѣе взглянемъ на то положеніе, въ которое онъ постоянно поставленъ.

Нашихъ художниковъ, занимающихся въ Академіи, можно раздѣлить на два лагеря. Къ первому изъ нихъ принадлежатъ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
Съ 1 сентября по 31 декабря
1860 г. безъ дост. 2 р. 50 к.
Съ доставкою . . . 3 р. —
Съ пересылкою . . . 3 р. —
Съ 1 сент. 1860 по 1 сент.
1861 г., безъ доставки 6 р.
Съ доставкою 7 р.
Съ пересылкою 8 р.
Желающіе получать при жур-
наль музыкальные приложе-
нія, прибавляютъ къ озна-
ченныи цѣнамъ:
За треть, т. е. съ 1 сент.
по 31 декабря 1861 г. 2 р.
За годъ, т. е. съ 1 сен-

РУССКІЙ МІРЪ

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ И СУББОТАМЪ.

№ 75.

28 СЕНТЯБРЯ.

1860.

табря 1860 года по 1 сен-
тября 1861 года . . . 4 р.
На одніи музыкальные при-
ложенія подписка не при-
нимается.

Подписка открыта:
Въ главной конторѣ жур-
нала, при музыкальномъ ма-
газинѣ Ѳ. Стелловскаго, по-
ставщика Двора Его Вели-
чества. Въ Большой Мор-
ской, въ д. Лауферта, № 27.
Въ книжномъ магазинѣ Ва-
зунова, въ Демскомъ про-
спектѣ, въ домѣ Ольжиной.

БѢДНАЯ ДѢВУШКА.

(Очеркъ.)

(Окончаніе.)

Авдотья Семеновна встрѣтила его почти у дверей. Это была женщина лѣтъ сорока, высокая и полная, съ доволь-
но рѣденькими, рыжеватыми волосами, вздернутымъ носомъ и толстыми губами. Лицо ея, подбѣленное и подру-
мяненное, отличалось довольно нахальнымъ выраженіемъ, а сѣрые глаза, искусственно томные и сладострастные, напоминали взглядъ теленка или очень молодого щенка. Голыя руки и сильно открытая шея были у Авдотьи Се-
меновны бѣлы и очень красивы; оттого-то она и выста-
вляла ихъ на показъ. По всей вѣроятности, лѣтъ пят-
надцать тому назадъ женщина эта правилась многимъ.

— Ахъ, mon ange! заговорила она нѣсколько въ носъ и чуть-чуть пришептывая, какъ я ждала тебя! Вотъ уже десять минутъ, какъ я пріѣхала сюда и сижу у окошка, и все жду, все жду тебя, а тебя нѣтъ, какъ нѣтъ...

Фу! чертъ тебя возьми, какія нѣжности! подумалъ Благотворовъ, между тѣмъ, какъ Авдотья Семеновна, съ кокетливостью молодой дѣвушки, повисла ему на шею.

— Пойдемъ сюда, пойдемъ въ нашъ любимый уголокъ, продолжала Авдотья Семеновна, увлекая Благотворова въ сосѣднюю, небольшую комнату, оклеенную темно-синими обоями, съ тяжелыми драпри на дверяхъ и окнахъ. Здѣсь такъ хорошо, не правда-ли? Я такъ люблю этотъ полу-
свѣтъ, я забываю здѣсь весь міръ, я думаю, что мы одни... Садись, mon ange, садись на твое любимое мѣстечко, вотъ тебѣ и скамеечка, мой дорогой баловень... Нехочешь-ли ты закусить?

— Да, закусить бы недурно; сказалъ Благотворовъ, у меня давно ужъ бурчить...

— Ахъ, Nicolas, что это? ты меня не падишь, замѣтила жеманно Авдотья Семеновна. Ты такой шалунъ! прибавила она, чмокнувъ Благотворова, и выбѣжала изъ комнаты.

Все это очень хорошо, подумалъ Николай Петровичъ, оставшись одинъ, но на однихъ нѣжностяхъ далеко не уѣдешь; надо что нибудь посущественнѣе... надо выманить денжонокъ. Начнемъ комедію: нахмуримъ брови и лобъ; чело печалію повито! глаза устремлены на одинъ

предмета, положимъ:—на розетку у дверей; правая рука запущена небрежно въ волосы; ничего не вижу и не слышу; это значить, сильно задумался... О чемъ задумался красавецъ молодой?! молодому красавцу нужны, сударыня, деньги...

— Вотъ и я! сказала Авдотья Семеновна, явившись съ большимъ подносомъ, уставленнымъ различными закусками и двумя бутылками вина. Я сама хочу прислуживать своему повелителю!

Благотворовъ и глазомъ не моргнулъ.

— Nicolas!

Благотворовъ ничего не слышитъ.

— Nicolas! повторила Авдотья Семеновна, хватая Николая Петровича за руку. Что съ тобой?..

Благотворовъ опомнился; онъ мигнулъ глазами, потеръ лобъ и съ разбѣяннымъ видомъ отвѣтилъ:

— Ничего, ничего, мой другъ.

— Какъ ничего? сказала Авдотья Семеновна, заботливо и нѣжно всматриваясь въ задумчивое лицо Николая Петровича. Ты ничего не видишь и не слышишь, ты задумался о чемъ-то, а говоришь—ничего. Ради Бога, mon ange, скажи мнѣ, что съ тобой?

— Такъ, право ничего.

— Ты чѣмъ нибудь огорченъ? нескривай отъ меня.

— Ахъ, неспрашивай меня, проговорилъ Благотворовъ меланхолически, сдѣлай милость, не спрашивай; я не могу тебѣ сказать.

— Боже мой! Nicolas, ты меня обижаешь, ты неоткровененъ со мной.

— Да вздоръ; право, я не хотѣлъ бы говорить... Къ чему разстроивать наше свиданье? Оно пролетитъ какъ мгновеніе; зачѣмъ къ счастью и любви припутывать мелочныя дразни?..

— Нѣтъ, нѣтъ, я тебя умоляю; скажи мнѣ: въ чемъ дѣло?

Ну, подумалъ Николай Петровичъ, нечего терять время попусту и тянуть канитель; ѣсть смертельно хочется, надо дѣло покончить скорѣй.

— Право, другъ мой, началъ онъ, какъ бы дѣлая надъ собой усиліе, ты, съ твоимъ добрымъ сердцемъ, всегда ставишь меня въ затруднительное положеніе. Ты знаешь, какъ я гордъ! Я скорѣй рѣшусь умереть голодной смертью, или наложить на себя руки, чѣмъ открыть кому нибудь свое положеніе... Правда, передъ тобой у меня нѣтъ тайнъ; передъ твоей просьбой я не могу устоять... но, ей Богу, мнѣ тяжело.